

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора географических наук Т. П. Калихман на диссертацию Селезневой Е. В. «Геоэкологическое обоснование трансграничной природоохранно-туристской территории в Западном Алтае», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата географических наук по специальности 1.6.21 – Геоэкология (географические науки)

Актуальность. Многолетнее и разностороннее изучение автором диссертации геоэкологических аспектов влияния туризма на охраняемые природные территории Западного Алтая прослеживается с первой научной работы, опубликованной в 2008 году. И если в первой работе использовался термин «научно-экологический туризм», а затем термин «естественно-научный туризм», то через десятилетие тесные рамки этих терминов были раздвинуты абсолютно новым и никем ранее не использованным термином «природоохранно-туристские территории». Известно, что правильная постановка задачи, да еще и с вынесенным в название диссертации термином, является существенной составляющей ее последующего решения. Поэтому исходно заложенная дискуссионность основной направленности работы автора, дополненная несомненным правом отстаивать правоту своего подхода и собственной терминологии, делает представленное к защите исследование актуальным. Важно отметить, что новый и используемый исключительно только автором термин «природоохранная туристская территория» содержит смысловое противоречие прямо связанное в самом общем случае с противоположно направленными видами деятельности: охрана природы и туризм. Процесс защиты диссертации Селезневой Е. В. и должен публично доказать жизненность новой терминологии. Актуальность представленного исследования подчеркивается еще одним термином, вынесенным в название, а именно, понятием «трансграничности», обусловленным рассмотрением российско-казахстанского приграничья Западного Алтая.

Новизна исследования и полученных результатов диссертации. Научную новизну автор связывает с теми же впервые введенными им в оборот понятиями как «природоохранная туристская территория» и «трансграничная природоохранная туристская территория» (ТПОТТ) на примере участков российско-казахстанского приграничья Западного Алтая. Кроме того в работе представлены результаты разработанного геоэкологического обоснования создания ТПОТТ на основе эколого-ландшафтного подхода и рекреационно-географических изысканий на рассматриваемой территории. Выполнено природоохранно-туристское функциональное зонирование на примере заказника регионального значения «Чинетинский». Автором в качестве новизны также указывается обоснование предпосылок, условий и факторов, позволяющих сформировать российско-казахстанскую ТПОТТ в районе Западного Алтая, но рецензенту здесь видится повтор с общим обоснованием создания ТПОТТ, указанным выше.

Основные выводы диссертации свидетельствуют о спорности формирования ТПОТТ на основе «двуединства» охраны природы и туристской деятельности (см. первый вывод диссертации), т.к. практика природоохранной деятельности и процесс обеспечения посетителей особо охраняемых природных территорий (ООПТ)

безопасным и комфортным туристским продуктом – разнонаправленные действия. И именно в нахождении консенсуса между этими по сути противоположными видами деятельности человека состоит главная проблема функционирования всех ООПТ.

Структура диссертации. Обычные четыре главы диссертации с введением и заключением дополнены объемными приложениями, а список собственных публикаций из 46 работ, мало затрагиваемых в тексте при таком их числе, уменьшен в автореферате до 34 по понятным соображениям, поскольку больше половины из них являются тезисами конференций, предшествующими публикации статей.

В первой обзорной главе делается попытка дать определение ключевого для диссертации понятия трансграничной природоохранной территории. Показательно привлечение описаний из большого числа исследований по трансграничности. Однако при этом оказались вне поля зрения не всегда очевидные факторы того, что при использовании понятия трансграничности важно правильно представлять лимнологические ограничения (возможности пересечения границы), конкретные для каждой пограничной ситуации на отдельных участках, особенно складывающиеся в настоящее время. Почти 15 страниц текста первого раздела с достаточно тривиальными определениями характеристик трансграничности оставляет без ответа приоритеты автора в существенном для дальнейшего анализа собственных представлений об обсуждаемом явлении. Как следствие наблюдается приведение не относящихся к теме факторов: «добрососедские отношения между государствами», «когерентные (связные) регионы», «экологический императив», «комплексное сохранение экологических систем», «эколого-познавательный туризм», «познавательльно-ориентированная туристско-рекреационная сфера деятельности», «международная трансграничная территория». В итоге нагромождения подобных мало связанных факторов рождается определение с включением нужного автору термина, что «Международная трансграничная природоохранно-туристская территория – это географическая структура ...» (стр. 16-17), где так и отсутствует главное или обоснование необходимости введения странного термина, смешивающего понятия охраны и использования природного ресурса.

Территориальная охрана природы дана в обзоре с детальными выдержками из действующего закона «Об особо охраняемых природных территориях» (ООПТ). Однако в процессе знакомства с этой обзорной главой выяснилось как слабое понимание автором равенства федеральных законов (без «головных» или «ключевых», стр. 21), так и уровень ООПТ, что принципиально в анализе трансграничности. Второй раздел главы в исследовательском плане бессодержателен и декларативен, в качестве трех из многих примеров: «экологический туризм оказывает большое влияние на экологическое образование» (стр. 31), «реализуемая форма экотуризма тем агрессивнее, чем интенсивнее турист перемещается в естественно-природном пространстве» (стр. 38), «развитие экопознавательного туризма не требует строительства новых гостиниц на охраняемой территории» (стр. 43). Очевидно отсутствие понимания автором принципиального различия в используемой системе координат, где туризм (посещение территорий) располагается по одной оси, а туристская деятельность (обслуживание) по другой. Поэтому не вижу смысла останавливаться на еще двух разделах обзорной главы с детальным изложением исторических событий, подаваемых в публицистическом стиле, неприемлемом для научной квалификационной работы.

Вторая глава диссертации посвящена методическим попыткам или, по автору, подходам геоэкологического анализа туристских ресурсов, технологиям расчета предельно-допустимых рекреационных нагрузок на ООПТ, представлению алгоритма обоснования природоохранно-туристской территории Западного Алтая, а также развитию понятия функционального зонирования применительно к заказникам. Первый раздел главы дает на 27 страницах достаточно полный и систематизированный обзор наиболее представленных в научной литературе методик оценки туристских ресурсов и туристского потенциала территорий. Во втором разделе главы с обзором методик расчета предельно-допустимых рекреационных нагрузок традиционно не упомянута Карписонова Р. А. и ее книга 1967 года «Дубравы лесопарковой зоны г. Москвы», где впервые была дана методика стадийных дигрессий. Поэтому тщательное переписывание того, что у нее было переписано Казанской Н. С. с последователями не добавляет ничего нового. Гораздо печальнее мне показалось отсутствие упоминания и ссылок в работе на диссертацию Павловой К. С. и ее статьи с Робертусом Ю. В., посвященные очень детальному рассмотрению рекреационных нагрузок на алтайских природных территориях. Это кажется странным, поскольку защита диссертации Павловой проходила в стенах этого же Института водных и экологических проблем СО РАН и того же совета по защитах в 2015 году.

Касаясь анализа раздела о рекреационных нагрузках, могу упомянуть и свое участие в рассмотрении туристских нагрузок при адаптации американской методики пределов допустимых изменений, изложенной в 1999 году в книге «Методика пределов допустимых изменений на Байкале – участке всемирного наследия ЮНЕСКО». Удивительно, что впервые переведенная нами на русский язык методика и технология расчета текущей емкости по Сифуентису (Sifuentes, 1992), приведенная в книге с примерами ее применения на модельных участках ООПТ у Байкала, неожиданно воскресла с поправками на вольности нового перевода на русский язык. Постановление правительства РФ от 31 октября 2023 года утвердило «Правила расчета предельно допустимой рекреационной емкости ООПТ федерального значения при осуществлении туризма», где расчетные формулы полностью заимствуют американские от Сифуентиса образца 1992 года. Понятно, что это никак не касается автора диссертации в части свежего постановления, но вот отсутствие ссылок на используемую уже четверть века в России методику «Пределов допустимых изменений» или ее незнание огорчает.

Третий раздел главы три дает некоторое представление об алгоритме обоснования создания трансграничной природоохранно-туристской территории Западного Алтая. Перечислены этапы обоснования, однако без примеров их применения составить представление об их приемлемости в проектировании трудно. Совершенно надуманным кажется упоминание об использовании SWOT-анализа территорий, как и классификации Кочурова Б. И. Рассмотрение понятия функционального зонирования применительно к заказникам позволяет узнать о сравнении законодательства об ООПТ России и Казахстана, их схожести и различиях. Достояна внимания предложенная концепция функционального зонирования территории заказника, хотя она не в полной мере учитывает особенности каждого из заказников (что именно там заказано), а просто повторяет известное для ООПТ более высокого уровня.

Третья и четвертая главы, наконец, касаются конкретных результатов, выполненных диссертантом.

Первая часть третьей главы «Геоэкологическое обоснование создания трансграничной природоохранно-туристской территории Западного Алтая» ограничивается предпосылками обоснования путей создания ТПТТ Западного Алтая, причем привлекается общая оценка природоохранно-туристского потенциала в качестве некой основы, а также избирательный анализ антропогенного влияния на ландшафты самой создаваемой территории в аспекте туристской нагрузки. Используемые обычно в стратегическом планировании SWOT-анализ и употребляемый для маркетингового исследования PEST-анализ представляют собой сводные таблицы без последующего полноценного анализа, а только повторения соответствующего текста таблиц, и не дают реально необходимой информации для дальнейшего эффективного развития рассматриваемых территорий. Дальнейшее обоснование касается сбора информации для существующих ОПТ, о редких видах и общем числе видов растений и животных. Анализ ландшафтов сводится к простому нанесению границ конкретных ОПТ на выполненные иными авторами и просто растянутые ландшафтные карты, которое лишает карту информационной наполненности. Предполагается, что на более подробных картах и ландшафты должны быть представлены более дробно, см. рис. 4–10 (с. 126-133). В частности, такие более подробные карты в отношении рассматриваемых ООПТ были выполнены в атласе «Особо охраняемые природные территории Сибирского федерального округа» (2012). В таблице 14 (с. 134) «номера ландшафта» приравниваются к «номеру местности», хотя это разноуровневые понятия, не являющиеся синонимами.

Вторая часть третьей главы посвящена оценке природоохранно-туристского потенциала, рассмотренного по понятным причинам отдельно с позиций «природоохранности» и «природно-туристских ресурсов». Вызывает вопрос использование в таблице 16 среди иных туристских ресурсов – промысловых ресурсов, хотя речь идет об охраняемых природных территориях, где охота/рыбалка запрещена. Здесь же представлены результаты функционального зонирования исследуемой территории.

В третьей части третьей главы «Анализ антропогенного влияния на ландшафты...» приводится сравнение сложившейся экологической ситуации в российской и казахстанской составляющих ТПОТТ, что привносит определенную новизну. Тем не менее, учитывая, что деятельность ОПТ во всех странах базируется на специальных законах, хотелось бы получить более подробное сравнительное рассмотрение нормативных документов этих двух стран в сфере территориальной охраны природы. Здесь же в таблице 20 (с. 146-147) со SWOT-анализом негативного влияния независимо от желания автора в очередной раз подтверждается концептуальное противоречие охраны природы и развития туристской деятельности.

Далее приведено нормирование рекреационных нагрузок, выраженного в чел/га, для отдельных функциональных зон, правда, здесь неясно в какую единицу времени.

Разделение участков, используемых в туризме, идет по принципу выделяемых автором зон: тихого отдыха, прогулочного отдыха и активного отдыха (с. 150). Хотя принципиальным для воздействия на природную среду является не тип отдыха, и даже часто не число посетителей, а существующая инфраструктура и время пребывания на конкретном участке. Разделение по этому принципу выделит долговременность

(турбазы, стоянки, пляжи, смотровые площадки и т.п.) и кратковременность (тропы, остановочные пункты и т.п.) пребывания с соответствующими требованиями к сохранности природной среды.

Следует особо подчеркнуть, что площадные нормативы, (выражаемые в чел/га, могут использоваться только для отдельных участков, где есть постоянная и равномерно распределенная в пространстве нагрузка (например, территория турбаз, стоянок, пляжей, смотровых площадок), для иных участков, где нагрузка неравномерна и линейна, следует разделять нагрузку не по функциональным зонам и не на гектары, а по конкретным туристским отрезкам, где определяется не число посетителей, а допустимое изменение природной среды. Ведь сложно привести к одному существующему и прогнозируемому во времени «знаменателю» разделенные по классам участки – поселковые, слабо измененные или относительно нетронутые – к тому же с учетом особых природных условий (состав почв, угол уклона, тип растительности, число встреч посетителей и т.п.). Следует отметить, что по версии автора, судя по результатам функционального зонирования, все эти разноплановые участки могут располагаться в одной функциональной зоне.

Кроме того, из текста диссертации непонятно, знает ли автор о последних веяниях от Министерства природных ресурсов и экологии России в области определения рекреационных нагрузок для ООПТ (Постановление правительства РФ «Правила расчета предельно допустимой рекреационной емкости ООПТ федерального значения при осуществлении туризма» № 1811 от 31.10.2023 года), по крайней мере, этого нет в перечне использованной литературы, и хотелось бы понять, согласен ли автор с этими новыми правилами нормирования или нет.

Вывод по третьей главе, несмотря на наличие вполне определенных результатов, является общей фразой, не выделяющей точных численных показателей полученных при функциональном зонировании, оценке туристского потенциала и нормирования рекреационной нагрузки.

Четвертая глава дает обзор предельно упрощенных подходов к названному автором перспективному планированию трансграничной природоохранно-туристской территории Западного Алтая без определения главного (сути) перспектив охраны природы или развития туризма. Изложение в первом параграфе главы предложений по развитию территории может претендовать на определенную методическую новизну в смысле полноты и системности охвата практически всех известных мероприятий. Трудно возражать против формулировки стратегии и тактики, обобщенно изложенных в большой таблице на стр. 157. Но стоит погрузиться в расшифровку предложений, как сразу возникают вопросы по деятельности, ведущей к реализации столь красиво представленных предложений. В качестве примера можно взять пункт «проложение и обустройство трансграничных эколого-познавательных маршрутов ... охватывающий трансграничные ландшафтные зоны «непрерывного сохранения» биоразнообразия и комплексный маршрут, включающий 8 ООПТ». Последующая расшифровка пункта сводится исключительно к тривиальному перечислению с одной стороны простых средств инфраструктуры и оборудования троп, а с другой стороны опять вводит перечень совершенно неопределенных в понятийном плане дефиниций, зачастую безответственных: «упрочение культурной самобытности», «улучшение трансграничного взаимопонимания», «новые трансграничные продукты», «особое

внимание режиму охраны», «инвентаризация объектов туристского интереса», «планирование туристических маршрутов в стороне от особо ценных объектов природы», «развитие массового и регулируемого туризма», «выделение трансграничных зон «непрерывного сохранения» ландшафтного и биологического разнообразия и придание им статуса природоохранных», «разработка концепции управления туристическими потоками», «создание координационной структуры и механизма управления территорией» и тому подобных.

И здесь с очевидностью проявляется исходная ущербность «природоохранно-туристского» подхода. Автор становится заложником отсутствующей в основных определениях диссертации представления о строгой и однозначно понимаемой границе между разнонаправленными видами деятельности – деятельностью по охране природы и туристской деятельностью, принципиально и потенциально опасной для природы. Можно еще раз повторить о проблемах автора при использовании заимствованного англоязычного термина «connectivity conservation» в его русскоязычной неоднозначности и смысловой ущербности в переводе как «непрерывное сохранение» (вероятно, по-русски лучше бы звучало «сохранение взаимосвязанности»). Подобные проблемы усугубляются часто в географической, да и многих других науках о природных территориях в случаях, связанных с пониманием происходящего в реальной практике. В данной работе есть повод усомниться в правильном понимании целого ряда вопросов, рассматриваемого автором диссертации, по всей видимости не имеющего практического опыта как в деятельности по охране природы, так и в туристской агентской или операторской деятельности, которые существенно отличаются от обычного туристского посещения территории. Таким образом, автор все три вида деятельности относит к общему понятию «туризм», но разделение обсуждаемых понятий принципиально для анализа, прогнозов и планирования.

Более конкретной выглядит третья часть четвертой главы, посвященная функциональному зонированию заказника регионального значения «Чинетинский». Единственный вопрос связан с тем, что по непонятной причине в кластеры особо охраняемой функциональной зоны включены населенные пункты Усть-Чагырка и Чинета (Приложение 21, с. 320).

Вывод по 4 главе, несмотря на вполне конкретные полученные результаты, представляет собой общие слова.

В разделе «Заключение» следует остановиться на 3 и 4 выводах, в связи с вполне фиксируемыми по тексту диссертации результатами. В 3 выводе представлены допустимые рекреационные нагрузки для Тигерекского и Западно-Алтайского заповедников. В первом случае 30 чел. в месяц и 150 чел. в год, во втором – 240 и 960 соответственно. Неясно, как эти показатели распределяются по месяцам: равномерно или нет. В отношении годовых показателей также непонятно, относятся ли они только к теплomu сезону или распределены равномерно по году. Кроме того в выводе по 3 главе нет этих цифр и непонятно, откуда они вообще взялись. Тем более, судя по табл. 23 (с. 151), заметно, что в Тигирекском заповеднике на 8 маршрутах в месяц число посетителей допускается в сумме 212 чел., а в год – 1 024 чел.; в Западно-Алтайском соответственно – 412 и 1 908. При рассмотрении Приложения 20 (с. 315) также не определяются вынесенные в вывод указанные выше сводные цифры. Таким образом,

перепроверить полученные показатели, к тому же противоречащие друг другу, невозможно.

Вывод 4 повествует об итак бесспорном факте, что «...функциональное зонирование ... способствует сохранению ...», без какого-либо подведения результирующей этого зонирования.

Значимость полученных результатов для науки и практики. Полученные результаты научного исследования, изложенного в диссертации, интересны и дискуссионны. Практическая значимость частично подтверждается, но для тематик, связанных с туристским развитием территорий требуется более глубокое понимание различий между процессом предоставления услуг посетителям и правилами поведения туристов на природе.

Обоснованность и достоверность основных положений, результатов диссертации не вызывают сомнений, но выводы следует излагать более строго. Автор диссертации сам обеспечил себе сложности в изложении материала в связи с опрометчивым соединением двух разнонаправленных видов деятельности человека – территориальная охрана природы и туристское использование территорий, между которыми можно найти консенсус, но соединить их невозможно. Также, вероятно, отсутствие реального опыта автора по созданию коммерчески оправданного туристского продукта и практической работы в области территориальной охраны природы привело к тому, что в диссертации смешиваются в едином понятии «туризм» совершенно разные по сути процессы «туристская деятельность» (агентская и операторская) и «посещение природных территорий».

Оценка содержания диссертации, ее завершенности в целом, замечания по оформлению. Диссертация является самостоятельным и завершенным исследованием. Важными и принципиальными, хотя и не влияющими на общую положительную оценку работы в целом, замечаниями необходимо признать следующие:

- Общая излишняя многословность, например, рисунок 12 (с. 164) так сложно выстроен, но суть его может быть изложена в одном предложении: что структура ТПОПТ бывает федерального, регионального и местного значения, а также подразделяется по ведомственным отраслям и типам предоставляемых услуг;

- Национальные парки не являются видом природных резерватов (с. 16);

- При сравнении законодательства России и Казахстана следовало рассмотреть не только законы об охраняемых природных территориях, но и о туристской деятельности (с. 25);

- Экономическая оценка относится к количественным методам и является частью точных математических методов (с. 80);

- При рассмотрении структуры геоэкологического обоснования недостаточно проводить анализ антропогенных воздействий на ландшафты только на нескольких модельных объектах (с. 108, рис. 3);

- Памятники природы относятся к ООПТ, поэтому их не следует перечислять через запятую (с. 120, табл. 12);

- Перечисляемые факторы из PEST-анализа относятся к существующим или прогнозируемым, что неясно из табл. 13 (с. 122) и комментариям к ней;

- При использовании даже фрагментов карт должны быть указаны масштаб и условные обозначения, в т.ч. разъяснения всех используемых цветов; не на всех выделах есть нумерация (рис. 8, 9); при очень увеличенном изображении следует более подробно показывать ландшафтную структуру (см. рис. 4–10, с. 126–137);

- На карте «Растительные зоны» (Приложение 6, с. 249), складывается впечатление, что все цветовые выделы растительности Западного Алтая представляют собой не таежные растительные сообщества, а только разного вида луга: «Равнинные луга», «Горностепные луга», «Высокогорные луга», «Горно-таежные леса и луга», «Горная, межгорная и предгорно-лесо-луговостепная, сочетание с луговыми и богаторазнотравными степями», «Пойменные луга».

- На картах Приложений 7–10 (с. 250-253) в условных обозначениях отсутствуют цветовые пояснения для выделенных картографических полигонов. В дальнейшем, на карте Приложения 10 становится ясно, что информация о животном мире нанесена на ландшафтную основу, но, тем не менее, в приводимой легенде к карте ландшафтов цветовая палитра также не расшифровывается, что недопустимо при составлении тематических карт. Особенно это важно при отсутствии возможности читателя разглядеть на представленных картах нумерацию выделов. Таким образом, карта становится абсолютно нечитаемой.

- В Приложении 12 приведена схема маршрутов Западно-Алтайского заповедника, из которой видно отсутствие опыта автора в формировании реально используемых на ООПТ маршрутов. Практика показывает, что все туристские маршруты и экологические тропы должны заканчиваться в той же точке, где имели свое начало, т.к. именно там посетителей ожидает доставляющий их транспорт. В этой же отправной точке маршрута максимально предоставляются все необходимые услуги (беседки для отдыха, место обогрева, туалет, возможность приема горячей пищи и т.п.).

- Также об отсутствии реального опыта в туристской деятельности (обслуживания посетителей, а не только своего собственного путешествия) говорит и карта функционального зонирования (Приложение 16, с. 279), на которой «подзона регулируемого туризма» представлена в виде полигона, а не линейных выделов – маршрутов, по которым всегда перемещаются туристы.

- Полный перечень ТГОПТ в азиатской части России (см. автореферат, с. 6) есть только у одного автора (и это не автор диссертации), который в автореферате не обозначен.

Подтверждение опубликования основных результатов диссертации в научной печати. Все обозначенные в диссертации и в автореферате научные печатные работы опубликованы. Из перечня опубликованного показаны 2 статьи: в «Астраханском вестнике экологического образования» и в журнале «Успехи современного естествознания». Остальные работы являются тезисами докладов и материалами конференций.

Соответствие содержания автореферата основным положениям диссертации. Автореферат соответствует структуре, основным положениям и сути диссертации.

Соответствие паспорту специальности. Диссертация соответствует научной специальности 1.6.21 – Геоэкология (географические науки) по направлениям: 6. Разработка научных основ рационального использования и охраны водных, воздушных, земельных, биологических, рекреационных, минеральных и энергетических

ресурсов Земли; 11. Оценка экологического состояния и управление современными ландшафтами.

В целом следует отметить наличие положительных сторон в попытках автора диссертации составить новое представление о туристском будущем Западного Алтая. Отмеченные в отзыве понятийные и смысловые погрешности, недостатки и отсутствие однозначности в используемых дефинициях вполне объяснимы для уровня кандидатской диссертации. Не всегда автор способен правильно оценить свои «претензии на охват» исследуемого материала, в чем возможно замечание в адрес научного руководителя. С учетом сказанного оппонент склонен к общей положительной оценке рассматриваемой диссертации.

Таким образом, считаю, что диссертация Селезневой Е.В. «Геоэкологическое обоснование трансграничной природоохранный-туристской территории в Западном Алтае», является законченной научно-квалификационной работой, базирующейся на вполне достаточном и достоверном фактическом материале, имеет несомненные элементы научной новизны, может быть значима в методическом плане для дальнейшего практического использования, соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата географических наук по специальности 1.6.21 – Геоэкология (географические науки).

Ведущий научный сотрудник
лаборатории картографии,
геоинформатики и дистанционных
методов ФГБУН Институт географии
им. В. Б. Сочавы СО РАН,
доктор географических наук,
заслуженный эколог России

Подпись

Калихман Т. П.
ФИО

15 марта 2024 г.

664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук

тел.: 8 (3952) 42-64-29;
e-mail: kalikhman@irigs.irk.ru
http://irigs.irk.ru

Подпись Т. П. Калихман ЗАВЕРШО
ЗАМ. ДИРЕКТОРА А. А. СОРОКОВОЙ

